

Пусть на рассвете туманно —
Знаю — желанное близко...
Видишь, как тает неожиданно
Образ вдали Василиска?
Пусть всё тревожно и странно...
Пусть на рассвете туманно —
Знаю — желанное близко...

Андрей Белый

Рейсовый автобус, старенький и пыльный, сварливо дребезжащий на каждом ухабе, издал натужный стон и остановился аккурат в центре здоровенной лужи. Аля едва не застонала: отчасти из-за подкатывающей к горлу тошноты, отчасти от безысходности. Все, мосты сожжены, назад дороги нет. Дорога только вперед — в светлое будущее. А то, что будущее начинается в бурой дождевой жиже, еще не самая большая проблема, видывала она проблемы и пострашнее.

— Станция Полозовы Озера! Конечная! — сообщил водитель, маленький, вертлявый мужичок в грязной, а местами даже рваной тельняшке. — Вылазь давай, краля! Приехали! — добавил он и подмигнул Алевтине, удостоил, так сказать, высокой чести.

Аля отвечать на заигрывания не стала, вытащила из-под пассажирского сиденья дорожную сумку, одернула футболку и посторонилась, пропуская спешащую к выходу странную парочку.

Дядька средних лет с внушительным брюшком и купидоновскими кудряшками, обрамляющими

блестящую от пота лысину, отдуваясь и вполголо-са чертыхаясь, волок по проходу здоровенный чемодан. Чемодан сопротивлялся изо всех сил, цеплялся колесиками за ножки сидений, оставлял на грязной резине пола белые дорожки. Следом за дядькой, с видом в равной степени брезгливым и отстраненным, вышагивала мадам, одетая едва ли не по последней парижской моде. Мадам была статной, высокой, еще достаточно молодой и привлекательной. Такой бы разъезжать не в рейсовой колымаше, а на собственном «Ягуаре» или, на худой конец, «Порше». Да и в этом медвежьем углу ей делать нечего. Баден-Баден, Рим, Венеция — это да, это гармонично и вполне естественно для женщины, сошедшей с обложки модного журнала, но деревенька с романтическим названием Полозовы Озера...

— Вадик, аккуратнее, — мадам мазнула по Алиному лицу равнодушным взглядом и носком изящной туфельки отбросила со своего пути кусок надорванной и изрядно потоптанной газеты. — Я этот чемодан в Милане покупала, не вздумай его поцарапать.

Аля усмехнулась, значит, не ошиблась она на счет Баден-Бадена. Мадам — птица высокого полета, у нее чемодан небось стоит больше, чем весь этот несчастный автобус.

— Не волнуйся, дорогая, — дядька поднапрягся и вытащил-таки чемодан на середину прохода, — все будет в лучшем виде.

— В лучшем виде! — Мадам обмахнулась свежим журналом «Вог» и подняла глаза к потолку, красноречиво давая понять всем присутствующим, как ей все это провинциальное безобразие тяжело и неприятно.

В каком-то смысле Аля была с ней солидарна. Населенный пункт Полозовы Озера вызывал и в ее душе бурю протеста, но, в отличие от мадам, ей выбирать не приходилось.

— Выходим, выходим! Поторапливаемся! — прикрикнул водитель, закуривая папиросу.

От поплывшего по салону вонючего табачного дыма вернулась отступившая было тошнота. Аля торопливо достала из кармана джинсов мятлый леденец, сунула его за щеку. Вот что ни говори, странный у нее организм: когда сама за рулем, то ни о какой тошноте речь не идет, но стоит только пересесть на общественный транспорт, как тут же начинает укачивать. От воспоминаний о маленькой и юркой «Мазде», брошенной на произвол судьбы посреди чистого поля, на глаза навернулись слезы. Совершенный Алей поступок был равносителен предательству, но по-другому никак. Похорошему машинку стоило бы утопить или сжечь, чтобы окончательно замести следы, но совершить такое святотатство рука не поднялась. Предательство еще куда ни шло, но убийство...

— Что это? — От невеселых мыслей Алю отвлек возмущенный голос мадам. — Отгоните немедленно свою колымагу на нормальную дорогу, здесь же воды по колено! Вадик, не смей лезть в эту лужу! Еще, не дай бог, чемодан утопишь!

А, вот, значит, она о чем — о луже! И снова Аля была с мадам солидарна. Форменное безобразие эта лужа.

— А ты не командуй! Раскомандовалась здесь! — беззлобно огрызнулся водитель и сплюнул в открытое по случаю жары окошко. — Видишь, — он указал заскоружлым пальцем куда-то вдаль, — написано: «Остановка». Стало быть, я правильно тормоз-

нул, а останавливаться в неположенных местах мне не дозволено. Меня, между прочим, оштрафовать могут за нарушение правил дорожного движения.

— Да кто тебя, козла немытого, оштрафует?! — А мадам, оказывается, умеет и по-простецки разговаривать, на одном языке с массаами. — Да в этом вашем Мухосранске про правила дорожного движения, поди, и не слышали.

— Это у вас там Мухосранск, — обиделся за малую родину водитель, — а у нас здесь места цивилизованные, туристические.

— Откатывай свою колымагу! — мадам угрожающе взмахнула свернутым в трубочку «Вогом».

Стоящая у двери щупленькая бабулька испуганно ойкнула, перекрестилась, а потом с укором посмотрела на водителя и сказала:

— Совсем ты, Ванька, совесть потерял. Что ж ты над людьми-то издеваешься? Вот я как твоей Зинке пожелаю, уж она тебя научит правилам дорожного движения!

Удивительное дело, но бабульку водитель послушался, в сердцах отшвырнул недокуренную папиросу и завел мотор. Правда, новое место парковки оказалось не многим лучше старого: теперь вместо лужи прямо перед открытыми дверями красовалась коровья лепешка. Привычных к подобному натурализму аборигенов лепешка не смущала, а вот мадам сельская экзотика пришлась не по нраву. Наверное, она бы продолжила пререкаться, если бы ее спутник не взмолился:

— Эллочка, солнце мое, я тебя прошу!

Эллочка картинно вздохнула, достала из ридикюля носовой платок, поднесла к носу и, зажмурившись, как перед прыжком с парашютом, переступила через лепешку. Аля спрыгнула следом, бух-

нула сумку на плавающийся от полуденной жары асфальт, смахнула со лба капли пота и огляделась.

Населенный пункт Полозовы Озера являл собой типичную для российской глубинки картину. Покосившиеся, вросшие в землю едва ли не по самые окна домики смотрели на окружающий мир уныло, стыдливо прикрывались кустами цветущей сирени, а кое-где угрожающе щетинились самодельными антеннами. Посреди выложенного потрескавшимися от времени бетонными плитами маленького пяточка, аккурат перед приземистым двухэтажным зданием с гордой табличкой «Сельский совет», красовался загаженный голубями бюст Владимира Ильича. Чуть правее находилось средоточие деревенской жизни — магазин. На скамеечке перед ним вели какой-то неспешный разговор местные аксакалы. У их ног деловито сновали туда-сюда рыжие в крапинку куры. Пасторальную картинку довершала точно сошедшая с экрана бричка, запряженная маленькой гнедой лошадкой. Лошадка тихо пофыркивала, мотала головой, отгоняя назойливых мух, шлепала губами и пыталась дотянуться до островка выбивающейся из-под бетона травы.

Аля с удовольствием полюбовалась бы всей этой красотой, если бы не мучивший ее вопрос. В своем последнем письме дед пообещал, что в Полозовых Озерах ее непременно встретят, но в пределах видимости не было ни одной машины. Может, встречающий опаздывает? Это ж в городе время на вес золота, а тут, у истоков, все совсем по-другому.

Аля собралась было присесть здесь же, на заваulinке, когда позади что-то гроыхнуло и заревело — рейсовый автобус тронулся в обратный путь.

Все, теперь мосты точно сожжены, больше на сегодня в райцентр рейсов не будет, Аля специально уточняла на автовокзале, и если за ней так никто и не придет, то придется как-то выживать до следующего вечера.

Ну и пусть! Ей не привыкать выживать в условиях, близких к экстремальным. Не это страшно. Страшно, что, если единственная ниточка, дававшая ей надежду на будущее, вдруг сейчас оборвется, на собственной непутевой жизни можно ставить крест, потому что бежать ей больше некуда, да и сил больше никаких нет бегать.

— Доброго здоровьечка! — кто-то бесцеремонно дернул Алю за рукав. — Это ж вы Алевтина?

Встречающий! Ну слава богу! Аля обернулась, да так и застыла с открытым ртом. Встречающий, если, конечно, это он, оказался персонажем до крайности колоритным. Высокий, худой, нескладный, с лицом, по которому определить возраст не представлялось никакой возможности, он смотрел на Алю ясными васильковыми глазами и безмятежно улыбался. Так улыбаться могут только дети и... душевнобольные. Догадку о психическом нездоровье незнакомца подтверждала и его более чем странная экипировка: галифе с красными лампасами, криво подпоясанная армейским ремнем ветхая гимнастерка и лихо сдвинутая на макушку фуражка. В руках он держал тоже что-то милитаристское: не то патронташ, не то планшетную сумку, Аля в таких вещах была несведуща, поэтому с ходу определить сущность данного предмета затруднялась.

— Я говорю, здрасти вам! — мужчинка улыбнулся и взял под козырек. — Я говорю, вы Алевтина? — Он подался вперед, внимательно всмотрелся в Алино лицо.

— Я, — она на всякий случай отступила на шаг. Мало ли что у этого ненормального окажется в торбе.

— Очень приятно! А я товарищ Федор! — мужчина протянул ей руку.

Ладонь была мозолистой и не слишком чистой, поэтому пожала ее Аля с опаской и едва удержалась от того, чтобы вытереть руку о джинсы.

— Федор?

— Не Федор, а товарищ Федор, — мягко поправил ее собеседник и полез в свой патронташ. — Вот тут у меня и документик имеется. Полюбопытствуйте!

Документиком оказалась узкая книжица с тисненной золотом надписью «Удостоверение», на развороте которой была наклеена распечатанная на принтере фотография штурмбаннфюрера Штирлица и неловким детским почерком выведено: «Товарищ Федор. Дварецкий из Полозовых ворот». Значит, вот какой у деда помощник — товарищ Федор, дварецкий... Аля вздохнула, вернула документик владельцу и спросила с надеждой:

— А Игнат Петрович случайно не приехал?

— Не, — товарищ Федор покачал головой, — хозяин из поместья выезжать не любит. По надобностям в деревню меня или Марью Карповну посылает. Вот и сейчас велел вас встретить. Поехали, что ли?

— На чем? — Алевтина отступила еще на шаг. Еще не хватало, чтобы этот полоумный сел за руль.

— Так на Звездочке! — товарищ Федор мотнул головой в сторону припаркованной у магазина брички. — Я всюду на Звездочке ездию. Она очень умная, все-все понимает.

Не успела Аля опомниться, как он сунул паль-

цы в рот и округу огласил залихватский разбойнический свист.

— Федька, вот скаженный! — давешняя бабулька снова перекрестилась и погрозила Алиному провожатому кулаком: — Ты что хулиганишь?! Гляди, курей мне всех распугал, ирод!

Товарищ Федор на бабулькину гневную отповедь никак не отреагировал. Наверное, потому, что все его внимание было занято умной и все понимающей лошадкой Звездочкой, которая притрусила к нему резвой рысью и сейчас ласково терлась башкой о патронташ.

— Сладости любит до зарезу, — товарищ Федор потрепал лошадку за ухом, а потом с надеждой посмотрел на Алю: — У вас сладостей нету?

— Только мятные леденцы, — сказала она растерянно. — Пойдет?

Товарищ Федор кивнул так энергично, что фуражка едва не слетела на землю:

— Давайте леденцы! Конфеты Звездочка особенно уважает.

Конфет набралось аж четыре штуки. Аля сняла с них обертки, выложила на ладонь и с опаской протянула лошадке. Та покосилась на нее черным с поволокой глазом, а потом бархатными, чуть влажными губами деликатно смахнула с ладони угощение.

— Все, теперь она ваша навеки, — радостно сообщил товарищ Федор. — Теперь вы на ней тоже можете ездить, где захотите.

— Так, может, давай уже поедем? — предложила Аля, косясь на дореволюционную бричку.

— Так поедем! Конечно, поедем! — товарищ Федор чмокнул Звездочку в лоб, проворно вска-

рабкался на козлы, протянул Але руку: — Давайте, хозяйка, залазьте!

Хозяйка... Какая ж она хозяйка? Она так, не пойми кто: не то хозяйская гостья, не то хозяйская родственница. Слишком уж все неожиданно и запутанно.

Аля забралась в бричку, пристроила сумку под обтянутой зеленым сукном лавкой, обеими руками вцепилась в борта повозки. Еще ни разу в жизни ей не доводилось ездить на таком экзотическом виде транспорта. Может, зря она скормила все леденцы Звездочке? Вдруг, не ровен час, укачает.

Опасения ее оказались напрасными. Ехать в бричке было комфортно и даже приятно, намного приятнее, чем в воняющем махоркой и бензином рейсовом автобусе. И даже мерное бубнение товарища Федора совсем не раздражало. Аля присмотрелась повнимательнее и вдруг поняла, что товарищ Федор еще совсем молодой, может, даже моложе ее. Просто из-за нечесанности да неухоженности кажется гораздо старше своих лет. А может, и болезнь как-то сказывается.

* * *

Бричка тихо-мирно катилась по проселку, а Аля, успевшая рассмотреть спутника в малейших деталях, переключилась на окружающий ландшафт. Пейзаж разнообразием не поражал, но выглядел весьма мило: заливной луг с одной стороны и редкий березовый лесок с другой. Сначала лес был просто лесом, но чем дальше они отъезжали от Полозовых озер, тем больше и больше местность оправдывала свое название. Все чаще и чаще

между деревьями поблескивала вода, а зелень, и без того буйная, сделалась еще пышнее.

Аля свесилась с брички, сорвала сочную травинку и спросила:

— Это что, болото или озеро?

Товарищ Федор посмотрел в ту сторону, куда она указывала, и, пожав плечами, сказал:

— Так и то, и другое. Тут же места такие... мокрые, кругом вода. Есть озера, есть болота, а есть даже топи. Тут чужих знаете сколько попропадало? Только на моей памяти человек тридцать. Как ушли на озера, так и сгинули.

— А местные не пропадают?

— Так а чего ж местным-то пропадать? — удивился товарищ Федор. — Местные здесь все хорошо знают. Знают, куда соваться нельзя.

— А куда соваться нельзя? — Аля всмотрелась в мелькающую за деревьями воду. Вода была черной и лишь кое-где отсвечивала серебром.

— Дык много куда. — Чувствовалось, что товарищу Федору разговор то ли неприятен, то ли неинтересен. Он помолчал, легонько стегнул Звездочку ивовым прутиком и заговорил: — На Настасьину топь соваться нельзя, еще на Мертвое озеро.

Настасьина топь, Мертвое озеро — названия-то какие, аж мурашки по коже. Аля невольно поежилась.

— Эй, — она осторожно тронула паренька за рукав, — а что это за Настасьина топь такая?

— Да так, — товарищ Федор неопределенно взмахнул прутиком, — место одно нехорошее. С виду лужайка, а как ступишь на такую лужайку, так тебе и конец.

— Почему конец?

— Потому что не лужайка это, а трясина. И глазом моргнуть не успеешь, как засосет.

— А почему она Настасья?

— Потому что в ней Настасья, дочка тутошнего помещика, утопла. Говорили, что батька хотел ее силой замуж выдать, уже вез к жениху на смотрины, а она возьми да и убеги, — товарищ Федор нахмурился. — Ну, батька, ясное дело, за ней вдогонку бросился и уже почти догнал, да только Настасья в трясины угодила, прямо у него на глазах.

— И что? — шепотом спросила Аля.

— А ничего, батька ей условие поставил: или она его воле подчинится и замуж выйдет за нелюбимого, или потонет в трясине.

— А она?

— А она отказалась, смерть мученическую приняла, прямо на глазах у родного отца, а напоследок успела ему шепнуть кое-что.

— Что шепнуть? — Аля аж травинку выронила от напряжения. Интересно же, чем дело кончилось.

— Шепнуть? — товарищ Федор посмотрел на нее своими васильковыми глазами. Смотрел долго-долго, Але аж не по себе стало от этого его странного взгляда, захотелось спрыгнуть с брочки и бежать со всех ног. Да хоть на ту же Настасьяну топь, лишь бы подальше от этого ненормального. — Так никто ж не знает, что она бате своему шепнула, — товарищ Федор улыбнулся, — они ж на болоте одни были.

Аля шумно выдохнула. Вот тебе и сказочке конец, а кто слушал — молодец. И в чем мораль этой страшилки, если неясно, чем дело кончилось?

— Только вот... — товарищ Федор почесал за ухом черенком прутика, — только с тех пор, как Настасья потонула, род Бежицких оскудел и чуть

не перевелся, а на топи с тех пор в полнолуние начал Настасьин призрак являться, женихов на дно болотное утаскивать.

Про призрак несчастной Настасьи Аля пропустила мимо ушей, гораздо более интересной ей показалась другая информация — о роде Бежицких. Фамилия ее новообретенного деда была Бежицкий. Это что же значит? Значит, он потомок того самого жестокосердного батьки, утопившего в болоте своенравную дочку? И она, Аля, стало быть, тоже в некотором роде потомок? Хорошая же у нее родословная, ничего не скажешь...

Несколько минут ехали молча. Звездочка тихо всхрапывала, в ветвях деревьев щебетали невидимые пичужки, в высокой, по пояс, траве стрекотали кузнечики, а товарищ Федор на удивление чистым и звонким голосом затянул какую-то лиричную песню о безответной любви. Аля дослушала песню до конца и, лишь когда в подрагивающем от жары воздухе истаяла последняя нота, спросила:

— А что насчет Мертвого озера? Почему оно мертвое?

— Озеро? — товарищ Федор поправил ремень. — Так потому мертвое, что не водится в нем ничего.

— Совсем-совсем ничего?

— Совсем-совсем. Ни рыба, ни даже лягушки.

— А почему?

— Потому что вода в нем мертвая, как же непонятно?! — удивился товарищ Федор.

Да уж, чего тут непонятного?! Озеро мертвое, потому что не водится в нем ничего. А не водится ничего, потому что вода мертвая. Жаль только, что это ровным счетом ничего не объясняет. Ладно,

может, кто-нибудь более сведущий в этих вопросах растолкует ситуацию. Может, даже дед.

— И где они? — спросила она напоследок.

— Кто — они?

— Ну, топь эта и озеро Мертвое. Далеко отсюда?

— Недалеко, — товарищ Федор надвинул фуражку на самые глаза. — Топь вот уже начинается, — он махнул рукой влево от дороги.

Аля присмотрелась: лужайка как лужайка, деревца даже имеются, а воды никакой не видно. Точно, что ли, топь?

— А озеро?

— А озеро сейчас сами увидите, скоро уже.

Точно в подтверждение его слов, проселок резко свернул вправо, нырнул в густую тень от кряжистых вековых лип. Сразу стало прохладнее, потянуло свежестью, запахло водой. Обычно так пахнет у реки, но тут не река, тут озеро, да еще и мертвое.

— Вот и поместье! — сообщил товарищ Федор и на радостях подбросил в воздух фуражку.

Фуражка закончила свой полет бесславно — повисла на липовой ветке, но товарищ Федор не расстроился, хитро посмотрел на Алю, попросил:

— Хозяйка, там у вас под лавкой палочка. Вы б мне ее подали, а?

Палочка оказалась алюминиевой трубкой, складывающейся наподобие телескопической антенны.

— Это? — Аля протянула товарищу Федору трубку.

— Она самая! — он ухватился за толстый конец трубки и ловко — чувствовалось, что манипуляция производится не в первый раз, — смахнул на землю головной убор.

Из-за хлопот с фуражкой сам дом Аля заметила

не сразу, а как увидела, не поверила своим глазам. Честно говоря, когда товарищ Федор называл дом поместьем, да еще и именовал его гордо и весомо «Полозовы ворота», она представляла себе что-то достаточно внушительное, возможно даже двухэтажное, но действительность превзошла самые смелые ожидания. Дом и в самом деле оказался поместьем, причем поместьем огромным, с двумя этажами, массивными колоннами и раскинувшимися по бокам от центрального входа боковыми крыльями. Стены первого, а кое-где и второго этажей обвивал дикий виноград, из-за этого дом был похож на средневековый европейский замок. В общем, увиденное производило очень сильное впечатление.

Звездочка радостно всхрипнула, ускорила шаг и весело зацокала копытами по мощенной красными камнями подъездной аллее.

— Уже скоро! — товарищ Федор приосанился, поправил ремень. — Красиво тут у нас, правда?

— Красиво, — Аля рассеянно кивнула.

Стоило бы как-то развить мысль, похвалить архитектуру и красоты здешней природы, но внимание девушки привлек расположенный напротив парадного входа фонтан. Наверное, в стародавние времена он являл собой внушительное зрелище, сейчас же судить о былом великолепии можно было лишь по полуразрушенной скульптурной композиции, производящей на неподготовленного зрителя жуткое впечатление. Обнаженная девушка билась в объятиях гигантского змея. Раздвоенный язык твари петлей захлестывался на тонкой девичьей шее, а длинный черный хвост обвивал щиколотки. Из-за временных катаклизмов, а может, и из-за происков вандалов у девушки практически не осталось лица, а правая рука была отломана по

локоть. Зато чудище сохранилось намного лучше: чешуя на черных мраморных боках лоснилась, а увенчанный острым шипом кончик хвоста, казалось, нетерпеливо подрагивал.

— Что это? — ежась от отвращения, Аля кивнула на фонтан.

— Это еще от прежних хозяев осталось, — товарищ Федор взглянул на фонтан лишь мельком и тут же отвернулся. — Это статуя, — добавил, немного помолчав.

— А что за зверь такой? — смотреть на чудище не хотелось не только ей, но и Звездочке. Лошадка огибала фонтан по большой дуге и, как показалось Але, нервно прыдала ушами.

— Это не зверь, это Василиск, — товарищ Федор натянул поводья, притормаживая Звездочку аккурат перед разверстой каменной пастью, — полоз по-нашенскому.

Полоз, значит? Вот откуда все эти диковинные названия: Полозовы озера, Полозовы ворота. Все из-за этой хвостатой твари, оккупировавшей подступы к дому. И куда только хозяева смотрят? Будь Алина воля, она бы этот «шедевр» сровняла с землей, чтобы даже следов не осталось. Зачем же жуть такую во дворе держать?

Звездочка испуганно покосилась на Василиска и потрусилась к дому, но, даже когда фонтан остался позади, Аля не смогла вздохнуть с облегчением — спину сверлил недобрый взгляд каменной твари.

Вблизи дом уже не казался таким величественным и монументальным. Скорее наоборот: мраморные ступени парадного входа раскрошились, дикий виноград маскировал пожелтевшую и местами облупившуюся краску, оконные рамы просели и покосились, а лак на огромных дубовых две-

рях почернел от времени. Новыми и ухоженными казались лишь начищенные до блеска медные дверные ручки в виде змеиных голов. Вообще, как успела заметить Аля, у здешних хозяев всякие ползучие гады находились в особой чести. Вон и на стенах барельефы со змеями и прочей земноводной нечистью, словно ничего краше придумать нельзя.

— Вот мы и дома! — товарищ Федор соскочил с брички. — Хозяин, наверное, уже заждался. Еще ругаться станет, что я вас долго вез, — он просительно посмотрел на Алю, робко улыбнулся. — Вы бы ему сказали, что автобус опоздал. Вам он поверит.

— Скажу, не волнуйся, — Аля кивнула.

Товарищ Федор обрадовался, притопнул ногой в кирзовом армейском сапоге, крутнулся вокруг своей оси — сущий ребенок, честное слово.

— А что, хозяин очень строгий? — спросила Аля, выбираясь из брички.

Интересно же, какой прием ее ждет в этом странном доме. Из переписки многого о человеке не узнаешь, а дед и в письмах был немногословен, о себе практически ничего не рассказывал, все больше расспрашивал об Алином житье-бытье. А самой вопросы задавать было как-то неловко, да и недосуг — слишком все неожиданно случилось, слишком быстро завертелось.

— Строгий, — товарищ Федор насупил, шмыгнул носом, но тут же расплылся в улыбке и добавил: — Только лучшего хозяина мне все равно не сыскать. Он меня дебилом никогда не называет и на Двадцать третье февраля завсегда подарки дарит. Вот портупею видите? — парнишка поправил ре-

мень. — Это все он, хозяин, мне подарил. А на Новый год обещал настоящий «наган», как в музее в райцентре.

— Зачем же тебе «наган»? — улыбнулась Аля.

— Так это... чтобы защищаться.

— От кого?

— От него, — товарищ Федор торопливо оглянулся по сторонам и перешел на заговорщицкий шепот: — В деревне говорят, он снова проснулся, говорят, тетки Авдотьи корову сожрал с потрохами.

— Кто — он? — несмотря на полуденную жару, по спине пробежал холодок.

— Так полоз! Ну тот, который Василиск, — парнишка махнул рукой в сторону фонтана. — Он проснулся и голодный.

— Этот, что ли, Василиск? — Аля тоже посмотрела на фонтан. — Товарищ Федор, он же не настоящий, сам же говорил — скульптура.

— Эх, хозяйка, — товарищ Федор посмотрел на нее с укором. — Я ж не совсем дурачок, понимаю, где скульптура, а где живой Василиск. Я о настоящем, том, что в озере живет.

— В каком озере? — холод добрался до позвоночника, впился ледяной спицей — ни вдохнуть, ни выдохнуть.

— Говорят, следы его видели у Русалочьего озера и на Настасьиной топи, но вообще-то Василиск в нашем озере живет, в Мертвом.

— А как же он тогда в Русалочье озеро попал? — Все-таки красивые в здешних местах названия, поэтичные. И фольклор, по всему видать, богатый...

Товарищ Федор помолчал, собираясь с мыслями, а потом сказал:

— Тут все озера между собой соединяются под-

земными ходами, а Русалочье с нашим так особливо. В позапрошлом годе Сидор Петрович на том берегу русалку видал, а всем известно, что русалки только в одном озере водятся, потому оно и Русалочье. А в наше заплывают по подземным ходам только в определенные дни.

— Зачем?

— Так Василиску колыбельную спеть, — товарищ Федор посмотрел на Алю так, точно она задала до крайности глупый вопрос. — Если бы русалки ему колыбельные не пели, он бы намного чаще просыпался.

— И зачем он просыпается? — Ну до чего ж интересные истории! Вот, наверное, фольклористам здесь раздолье.

— Просыпается? — взгляд товарища Федора сделался отсутствующим, как тогда, когда речь зашла о судьбе несчастной Настасьи. — Он просыпается, потому что...

— ...Федор, немедленно прекрати!

От резкого оклика Аля вздрогнула, торопливо обернулась. За разговорами о Василиске и русалках она и не заметила, что парадная дверь дома распахнута настежь, а на дорожке всего в нескольких метрах от нее стоит статная седовласая женщина. Она бросила хмурый взгляд на товарища Федора и тут же приветливо улыбнулась Але. В строгом брючном костюме, с тщательно уложенными волосами и неброским маникюром, выглядела она в равной степени стильно и странно для этого богом забытого места, где самым оптимальным транспортным средством является лошадка Звездочка, а легенды об озерных тварях звучат так реалистично, что в них невольно хочется верить.

— Ну наконец-то, Алевтина! — она шагнула на-

встречу Але. — Мы с Игнатом Петровичем уже волноваться начали, думали, не дай бог, что-то случилось, а вас, оказывается, Федор сказками о Василиске потчует, вместо того чтобы в дом вести.

От этих слов товарищ Федор испуганно втянул голову в плечи, умоляюще посмотрел на Алю.

— Автобус опоздал, — вспомнила она о данном обещании. — А о здешних чудах-юдах я сама его расспрашивала. Очень все это интересно.

— Интересно, — женщина кивнула, — но о местных фольклорных достопримечательностях можно поговорить и в более комфортных условиях. — Она на секунду замолчала, а потом продолжила уже совсем другим, полуофициальным тоном: — Алевтина, прошу меня извинить, из-за всех этих волнений я совсем забыла представиться. Знаменская Елена Александровна, секретарь вашего деда и по совместительству экономка. Ну, добро пожаловать в Полозовы ворота! — она раскинула руки, точно собиралась заключить Алю в объятия, но ограничилась лишь рукопожатием.

Ладонь у Елены Александровны была узкой и прохладной, на среднем пальце Аля успела заметить золотое колечко в виде змейки. И тут змеи...

— Ну что же мы стоим?! — женщина всплеснула руками. — Федор, бери вещи, неси в дом! — командовала она.

— Так Звездочку ж надо в конюшню, — попытался было возразить тот, но под строгим взглядом управляющей замолчал, покорно подхватил с земли Алину сумку и побрел к дому.

— Непослушный, — Елена Александровна проводила товарища Федора взглядом, — никогда не делает то, о чем его просят, всегда надо повторять по несколько раз. И фантазер. Я вижу, уже успел

напугать вас своими рассказами о болотном змее? — она перевела взгляд на Алю.

— Да я как-то не очень испугалась, — Аля улыбнулась. — Наоборот, столько всего интересного. Русалки, Василиск...

— Было бы интересно, если бы он не рассказывал все эти побасенки по сто раз на дню, — Елена Александровна раздраженно махнула рукой. — Причем, заметьте, события минувших лет в его интерпретации всякий раз приобретают новое звучание. Про Настасью-утопленницу он вам уже успел поведать?

— Успел, — Аля кивнула.

— Ну, значит, теперь вы знакомы со всеми представителями здешнего потустороннего мира, осталось только повстречаться с ними лично. — Елена Александровна улыбнулась какой-то странной, ускользящей улыбкой.

— В каком смысле — повстречаться лично? — спросила Аля, глядя поверх плеча управляющей на распахнутые парадные двери, где в густой темноте мелькнула и исчезла полупрозрачная белая фигура.

— Да глупости все это, Алевтина! — Улыбка управляющей сделалась холодной и напряженной. — Просто согласно легенде призрак Настасьи-утопленницы до сих пор обитает в Полозовых воротах.

Вот те раз! Только призрака ей для полного счастья не хватало. И за дверью что-то мельтешит непонятное, на человека не слишком-то и похожее.

— Так Настасья же, кажется, на топи появляется. — На память пришел рассказ товарища Федора.

— На топи она появляется в полнолуние, а в остальное время живет в поместье, — Елена Александровна продолжала улыбаться, но глаза и голос

ее при этом оставались совершенно серьезными. — Но вы, Алевтина, не бойтесь. Настасья — это, можно сказать, фамильное привидение, домохозяин и прислуга оно не трогает.

— И вы ее видели? — Аля опять почувствовала тот самый неприятный холодок. — Эту Настасью-утопленницу?

Вместо ответа Елена Александровна рассмеялась. Смех у нее был звонкий, девичий, никак не вяжущийся с морщинистым лицом и совершенно седыми волосами.

— Да бог с вами, Алевтина! — сказала она, отсмеявшись. — Неужели вы поверили во все эти сказки?! Нет никаких призраков!

Значит, все-таки призраков нет! Позвоночник, который уже почти заledenел, начал медленно оттаивать. Это хорошо, что нет, потому что жить под одной крышей с привидением как-то не очень хочется. Да еще на берегу Мертвого озера, в котором водятся русалки и мифический змей. А фигура в белом ей скорее всего примерещилась. Устала Аля с дороги, растерялась. И рассказы товарища Федора сделали свое черное дело, заставили поверить во всякую чертовщину.

— Алевтина, — на плечо легла прохладная ладонь, кожу царапнуло чем-то острым, наверное, хвостом золотой змейки, — послушайте доброго совета: с чем бы странным вам ни довелось столкнуться, знайте — все это имеет логическое объяснение и пугаться не стоит. Просто места здесь особенные, древние. Я бы даже сказала, дремучие. Вот и рождаются легенды про всякую нечисть. А все оттого, что развлечений у народа никаких нет. Был когда-то клуб, в котором крутили привезенные из райцентра фильмы. Какая-никакая, а пища для ума.

Но его закрыли, потому что заведующий клубом в одном из здешних озер утонул..

Аля тяжело вздохнула — еще один утопленник..

— Нет, на сей раз никакой мистики. — Елена Александровна легонько подтолкнула ее в направлении дверей. — Просто завклубом выпить любил, отправился пьяный на рыбалку — вот вам и закономерный исход. А второго такого интеллигентного и образованного, — в голосе управляющей послышался сарказм, — в Полозовых озерах не нашлось, вот клуб и закрыли.

— Так, может, не стоило закрывать? — спросила Аля. — Пусть бы люди общались.

— Господи, девочка моя, какая же вы еще наивная! — Елена Александровна остановилась напротив распахнутой двери. — Сразу видно, что о сельской жизни вы знаете исключительно понаслышке. Люди и общались первое время. Только общение здесь несколько специфическое: выпить по литру самогона и начать бить друг друга, пардон, морды. Вот после одного такого мордобоя клуб и сгорел. То ли кто-то сигарету непотушенную оставил, то ли специально поджег. Разбираться не стали, новый клуб строить тоже. Ну, уболтала я вас, Алевтина, — узкая ладонь управляющей легла на дверную ручку в виде змеиной морды, перламутровый лак хищно сверкнул на солнце. — Игнат Петрович заждался уже, а я тут прямо как Федор..

* * *

Изнутри дом был такой же огромный, величественный и.. заброшенный, как снаружи. Чтобы заниматься столь хлопотным хозяйством, как старинный особняк, нужны немалые средства, а еще

силы и желание. Чего-то из вышеперечисленного у Алевтининого деда определенно не хватало, потому что дорогой паркетный пол с затейливым рисунком жалобно поскрипывал под ногами и нуждался в серьезной реставрации, тяжелые бархатные портьеры на высоких окнах выцвели и утратили первоначальный изумрудно-зеленый оттенок, а мебель была хоть и антикварной, но явно ветхой, требующей внимания и пристальной заботы профессионального реставратора. Дом, подобно стареющей кокетке, кутался в пахнущие нафталином и давно вышедшие из моды наряды, прикрывал морщинистое лицо веером из облезлых перьев, но медленно и неуклонно умирал.

Сердце защемило от странного, незнакомого чувства уже виденного. Дом казался Але не просто абстрактным человеческим жилищем, а чем-то с давних лет знакомым, проникшим в сердце и душу, вызывающим едва уловимую, на самой границе восприятия тоску. Она шла вслед за Еленой Александровной и боролась с острым желанием поправить на венском столике кружевную салфетку, выбросить из старинной китайской вазы букет давно мертвых роз и заменить его на живые луговые цветы, а еще устроить в доме генеральную уборку: выстирать шторы, выбить траченные молью шелковые ковры, вымыть окна, начистить до зеркального блеска полы. Странное желание, особенно в отношении дома, который она видит первый раз в жизни, но поделаться с ним ничего невозможно. Такое чувство, что это у нее в крови, это сильнее ее.

Чтобы хоть как-то бороться с неожиданным душевным порывом, Аля решила абстрагироваться, не смотреть по сторонам, а лишь вслушиваться в

разносящееся по всему дому эхо их с Еленой Александровной торопливых шагов.

Эхо оборвалось у закрытой двери. Дверь была огромной, почти такой же большой, как парадная, с ручкой в виде змеиной головы, с искусно вырезанными, обвивающими дверной косяк ползучими тварями.

— Пришли, — шепотом сказала экономка, отступила на шаг и ободряюще улыбнулась Але, — он ждет вас.

— А вы? — Оказаться один на один с незнакомым мужчиной, считающим ее своей внучкой, было неловко и даже немного страшно.

Елена Александровна отрицательно покачала головой.

— Алевтина, я получила четкие указания. Хозяин хочет поговорить с вами наедине, — она решительно постучалась в дверь и, не дожидаясь ответа, нажала на ручку.

Несмотря на массивность и основательность, дверь отворилась совершенно бесшумно. За дверью было темно и тихо. Может, деда нет на месте? Аля вопросительно посмотрела на экономку.

— Он там, — сказала та шепотом и ободряюще улыбнулась, — просто не выносит яркого света. Неизлечимая болезнь сетчатки. Идите же, не заставляйте его ждать.

Переступить порог дедова кабинета оказалось не так-то просто. Але пришлось сделать над собой усилие, чтобы отважиться нырнуть в это царство сумрака. Понадобилось время, чтобы глаза сумели приспособиться к смене освещения. Она застыла в дверях, крепко зажмурилась, прогоняя яркие радужные круги.

— А ты именно такая, какой я тебя себе и пред-

ставлял, — голос был тихий, с присвистом, не разберешь, мужской или женский.

Аля открыла глаза, моргнула. Темнота больше не казалась кромешной, теперь она была наполнена тенями и звуками. Тиканье часов, мерное жужжание системника — привычные и абсолютно нестрашные в обычной жизни звуки, здесь, в этом отрезанном от внешнего мира кабинете, казались тревожными и пугающими. А сам кабинет казался призрачным и нереальным. Наверное, из-за наглухо зашторенных окон, беспощадно отсекающих яркий солнечный свет и впускающих внутрь лишь скудный фосфоресцирующий полумрак. В призрачном кабинете за призрачным столом спиной к окну сидел призрачный мужчина — ее дед. Лицо мужчины Аля не могла рассмотреть, как ни старалась — белая маска, без мимики, без эмоций. Зато она сумела разглядеть кое-какие детали одежды. Дед был одет как старосельский помещик: из-под расшитого золотом домашнего халата выглядывало белое кружево сорочки, на тонком запястье поблескивали наручные часы.

— Добрый день, Игнат Петрович, — Аля едва удержалась от того, чтобы не сказать «добрый вечер» — к полуденным беседам здешняя сумрачная обстановка никак не располагала.

— Добрый, — рука, обрамленная пеной из кружев, взлетела над столом, и освещение сразу же изменилось, сделалось чуть более ярким, чуть менее жутким. Скорее всего, дед просто развернул монитор компьютера таким образом, чтобы свет от экрана падал ему на лицо, но Але эта обычная манипуляция показалась странной, если не сказать — мистической. Скорее всего оттого, что лицо деда по-прежнему осталось неподвижной маской. —

Можешь называть меня просто дедом, ни к чему этот официоз, — в свистящем голосе слышалось подобие улыбки. От сердца сразу отлегло, и дышать стало легче. — Рад, что ты согласилась принять мое приглашение. Очень рад...

Дед не сделал попытки встать из-за стола, не предложил Але присесть, поэтому она так и осталась стоять в дверях, не решаясь сделать даже шаг. Было в этом человеке без лица, ее деде, что-то странное, гипнотизирующее. И в голосе, и в движениях. Что-то такое, что на мгновение заставило Алю пожалеть о принятом решении. К счастью, сожаление длилось недолго, на память тут же пришло воспоминание о куда более серьезных неприятностях, от которых избавило ее дедово приглашение.

— Не стой в пороге, девочка, — дед словно прочел Алины мысли, махнул рукой в сторону высокого вольтеровского кресла, — проходи, присаживайся. Извини, что не проявляю приличествующего случаю гостеприимства. С некоторых пор я не особо мобилен. С помощью вот этого, — в сумраке кабинета что-то глухо стукнуло, и Аля увидела, что вторая дедова рука покоится не на столешнице, а на набалдашнике трости, — я могу худо-бедно передвигаться, но особого удовольствия мне эти передвижения, увы, больше не доставляют. Проходи же!

Кресло оказалось не слишком удобным, с высокой, прямой спинкой и с твердыми резными подлокотниками. Аля готова была поспорить на что угодно, что на подлокотниках вырезаны все те же змеи — излюбленные здешними обитателями твари. От этих мыслей кожу на ладонях неприятно закололо, захотелось немедленно убрать руки с под-

локотников. Аля не стала бороться с возникшим порывом, сложила руки на коленях.

— Как добралась? — спросил дед, но по голосу чувствовалось, что все эти светские церемонии тяготят его до крайности.

— Спасибо, хорошо, — Аля поерзала в неудобном кресле, украдкой вытерла взмокшие ладони о джинсы.

— Я очень сожалею, что тебе пришлось добираться до Полозовых ворот своим ходом. К несчастью, мой автомобиль сломался накануне. Надеюсь, поездка на Звездочке тебя не слишком утомила?

— Что вы! — вспомнив ласковую Звездочкину морду, Аля улыбнулась. — Очень славная лошадка, мне было даже интересно. И товарищ Федор тоже хороший провожатый, — добавила она совершенно искренне.

— Федор, — голос деда смягчился, — славный мальчик, добрый и по-своему несчастный. Алевтина, будь к нему снисходительна. Поверь мне, он заслуживает самых теплых слов.

— Заслуживает, — тут Аля с дедом была полностью согласна.

— У нас здесь места глухие, новые люди появляются крайне редко, поэтому волей-неволей начинаешь ценить каждого собеседника. Федор уже успел рассказать тебе все местные сказки?

— Не знаю, все ли, но кое-что рассказал.

— Он очень необычный мальчик. В самых заурядных вещах ему видятся чудеса. Понимаешь, у людей, в некотором смысле ущербных, довольно часто открывается третий глаз, они могут видеть и чувствовать то, что остальным, простым смертным, видеть и чувствовать не дано.

Аля поежилась. Сейчас дед скажет, что това-

рищ Федор в самом деле видел Настасью-утопленницу, а болотный змей каждое утро плещется у берегов Мертвого озера. Кстати, на озере-то она еще не была. Из-за всех этих историй с русалками и василисками даже посмотреть в его сторону не удалось.

— Но я сейчас не о третьем глазе, — дед издал странный звук, не то закашлялся, не то засмеялся, а потом продолжил: — Я о том, что Федор, несмотря на свои двадцать пять, еще суший ребенок. Зদেশние летописи он с малых лет читает вместо сказок, вот и придумывает себе всякие небылицы. Это я к чему, Алевтина, — он помолчал, побарабанил пальцами по набалдашнику трости, а потом опять заговорил: — Это я к тому, чтобы ты ясно понимала, что не всему сказанному Федором можно верить. А точнее, ко всему, что касается здешних преданий, лучше относиться как к фольклору и излишнего значения не придавать. Поверь мне, это будет самым правильным решением, самым разумным. Потому что если верить, что Василиск существует на самом деле, то может случиться так, что вера сотворит чудо и на твоём пути встретится тот самый... тот, в кого ты по неосторожности поверила.

Вольтеровское кресло вдруг сделалось жутко неудобным, а воздух в кабинете стал вязким и мертвым. Аля постаралась расслабиться, судорожно вздохнула. Да что же это такое?! Сначала товарищ Федор, потом Елена Александровна, теперь вот дед. Все, кроме товарища Федора, пытаются заверить ее, что Василиска не существует, но в их странной настойчивости есть что-то подозрительное. Ну ведь глупо же, в самом деле, верить в привидения и реликтовых тварей! Современному, адекватному человеку и так ясно, что все эти чудеса

из разряда устного народного творчества и интерес могут представлять исключительно для узкоспециализированных на подобных историях товарищей.

— Напугали мы тебя, девочка? — в голосе деда послышалась забота, и от сердца тут же отлегло. — Не бойся, Алевтина. Все не так страшно, как кажется на первый взгляд. Места здесь просто прекрасные, для отдыха и душевного покоя подходящие как нельзя лучше. Да и мы с Еленой Александровной будем не единственными твоими собеседниками. Есть в Полозовых воротах люди более привлекательные и интересные, чем беспомощный старик и выжившая из ума экономка.

Алю так поразили эти его слова о беспомощном старике и выжившей из ума экономке, что она совсем забыла уточнить, о каких таких интересных людях идет речь. Но мысль о том, что не придется коротать долгие вечера исключительно в обществе деда и Елены Александровны, показалась ей очень даже привлекательной.

— Утомил я тебя, девочка, своими рассказями. — Дед не спрашивал, а констатировал факт, так что заверять его в обратном Аля не решилась. — Да и сам я немного подустал. Не каждый день доводится повстречаться с единственной внучкой. Грешным делом думал, что и не доведется свидеться, а вот оно как — свиделись. Ты иди, Алевтина, отдохни с дороги. Может, кушать хочешь, так попроси Елену Александровну, пусть отведет тебя на кухню. Там, кажется, с утра пирожки с мясом оставались, перекусишь перед ужином. А к ужину, будь любезна, спустись в каминный зал. Посидим породственному, поговорим. Познакомлю тебя с остальными обитателями Полозовых ворот, введу,

так сказать, в здешнее светское общество. Иди, внучка, иди, — дед устало махнул рукой.

— Рада была встретиться, — Аля встала.

— И я рад. — Голос деда сделался едва слышным, и свистящих ноток в нем добавилось.

Аля выскользнула за дверь, прижалась спиной к стене, глубоко и шумно вдохнула.

— Закончилась аудиенция?

От неожиданности она вздрогнула, посмотрела на Елену Александровну с нескрываемым раздражением. Ну что же это за мода такая — подкрадываться?! Так же и зайкой недолго остаться, особенно после всего, что довелось услышать накануне.

— Закончилась, — сказала она не слишком приветливо и тут же устыдилась своего поведения, потому что экономка смотрела на нее участливо, если не сказать — сочувственно.

— Игнат Петрович сегодня в добром расположении духа. — Женщина если и заметила Алино раздражение, то виду не подала. — Долго он вас ждал, Алевтина. Всех нас просто извел своим ожиданием. Все боялся, что вы откажетесь от его предложения, не рискнете ехать в такую глушь.

Аля мысленно усмехнулась. Именно то, что дедов дом расположен в такой глуши, и послужило решающим фактором в принятии решения. Ей требовалось именно такое место: тихое, уединенное, где легко затеряться и спрятаться.

— Ну, я же все-таки приехала, — она смущенно улыбнулась, точно была виновата в том, что из-за нее дед изводил домочадцев. Кстати, о домочадцах... — Елена Александровна, а что, в доме есть еще жильцы, кроме вас с дедом и товарища Федора? — спросила она.

Экономка ответила не сразу, помолчала, точно

производя в уме какие-то математические расчеты, а потом кивнула:

— Есть еще приходящая прислуга Марья Карповна. Она у нас за кухарку и за горничную. Приходит два раза в день, стряпает, прибирается в доме. Вы же видите, какой дом огромный, тут и двоим-то не справиться, не то что одной. Я Игнату Петровичу говорила, что надо бы еще помощницу нанять, но он и слушать не желает, — Елена Александровна нахмурилась, — говорит, что четырех рук для поддержания дома в приличном состоянии вполне достаточно.

В этом вопросе Аля с дедом была не согласна. Очевидно же, что дом чахнет без внимания, и заботливые руки ему просто необходимы.

— Я вам помогу тут убраться, — она бросила быстрый взгляд на экономку. — Если, конечно, вы не возражаете.

Кажется, ее предложение у Елены Александровны энтузиазма не вызвало, похоже, оно ее даже чем-то задело, потому как женщина посмотрела на Алю как-то странно и вместо ответа ограничилась лишь молчаливым кивком. Понимай как хочешь...

— А еще кто-нибудь в доме живет? — А плевать ей на чужие странности! Сейчас гораздо важнее выяснить как можно больше об этом странном месте. В конце концов, ей здесь придется жить не один день, возможно, даже не один месяц, и было бы неплохо доподлинно узнать, с чем и с кем придется иметь дело.

— Живет, — Елена Александровна передернула острыми плечами, словно от холода. — Игнат Петрович взял постояльцев.

— Постояльцев?!

— Туристы, фольклористы и прочие праздно-

шатающиеся господа, — уточнила экономка. — Игнат Петрович решил, что дому нужна свежая кровь.

— В каком смысле? — теперь уже поежилась Аля.

— В том смысле, что без жильцов дом в большей степени подвержен тлену и разрушению. В капитальном ремонте или хотя бы генеральной уборке он, видите ли, не нуждается, а в совершенно посторонних людях нуждается. — Елена Александровна покосилась на закрытую дверь кабинета и перешла на едва различимый шепот: — Вообще-то Игнат Петрович любит уединение. Вы потом это сами поймете, когда узнаете его поближе. Добровольно он ни за что бы не согласился превратить Полозовы ворота в отель, но обстоятельства иногда сильнее нас. Это все новый мэр... — Она поморщилась. — Мальчишка, выскочка! Решил, что нужно непременно развивать экологический туризм, и непременно у нас. Можно сказать, силой навязал... Пригрозил, что если Игнат Петрович откажется часть дома переделать под номера, то на берегу Мертвого озера развернется крупномасштабное строительство: рестораны, отели, катамараны... Игнат Петрович очень долго сопротивлялся, даже в область жалобу писал. Но вы же сами видите, какие теперь настали времена. Пришлось смириться. А постояльцы разные встречаются. Некоторые ничего, интеллигентные люди, а некоторые — сущее наказание. Уж сколько раз я хозяйину говорила, чтобы ограничил их перемещения, но он не желает ничего слышать. Гостям запрещено заходить лишь в жилое крыло, в котором расположены хозяйская спальня, кабинет и библиотека, а остальные помещения в полном их распоряжении. С прошлого года, сразу, как только началось все это безобразие, я уже недосчиталась нескольких серебряных ложек из семейного сервиза, а со сте-

ны в бильярдном зале исчезла картина Марка Шагала. Хорошо еще, что Шагал был всего лишь копией, а подлинник хранился в банковском сейфе, но сами понимаете, как все это неприятно. Алевтина, — женщина крепко сжала Алино запястье, — поговорите с ним, вразумите! Вас он непременно послушается. Это же настоящее безобразие — то, что сейчас творится в Полозовых воротах. С этим непременно нужно что-то делать...

— Я попробую, — Аля мягко, но настойчиво высвободила свою руку. — Только что же я могу? Я же еще толком ничего не знаю. Я же даже не видела этих постояльцев.

— Увидите. Сегодня вечером и увидите. Хозяин организует званый ужин в вашу честь. Всем гостям настоятельно рекомендовано на ужине присутствовать.

Надо же, званый ужин! Все это, конечно, приятно и лестно, но для званого ужина необходима соответствующая экипировка, а у нее с собой, кроме повседневных вещей, ничего нет. Как-то несолидно явиться на ужин, устроенный в твою честь, в джинсах и футболке. Даже в деловом костюме и то, наверное, несолидно. Аля посмотрела на Елену Александровну, сказала растерянно:

— Вообще-то я к официальным мероприятиям не готовилась. У меня с собой и одежды подходящей нет, а в город, наверное, уже поздно за покупками ехать.

— Господи, да какой город?! — экономка всплеснула руками. — В той дыре, которую вы исключительно из хорошего воспитания называли городом, приличная девушка не сможет подобрать себе даже достойную пижаму. Что уж говорить о вечернем платье!

— А что же мне тогда делать? — спросила Аля, мысленно перебирая содержимое своей дорожной сумки. По всему выходило, что перебирай не перебирай, а ничего подходящего у нее на сегодняшний вечер нет.

— Пойдемте со мной, Алевтина, — вместо ответа сказала Елена Александровна и, не дожидаясь, пока Аля двинется следом, направилась прочь от дедова кабинета.

Комната, в которую Аля вошла вслед за экономкой, была просторной и светлой. И пылью здесь совершенно не пахло, а наоборот — чем-то нежно-приятным. Аля не сразу заметила пышный букет сирени, стоящий на туалетном столике. Зато Елена Александровна обратила внимание и сказала с явным неудовольствием:

— Федор постарался. Видимо, вы ему очень понравились, потому что обычно он дамам цветы не дарит.

Брезгливым движением она отодвинула вазу с сиренью к дальнему краю стола, обернулась к Але и сказала теперь уже совершенно другим тоном:

— Вы спрашивали, как быть с вашим вечерним туалетом? Уверяю вас, возникшее затруднение легко разрешимо. — Она шагнула к внушительных размеров гардеробному шкафу и распахнула резные дверцы. Шкаф оказался под завязку забит всевозможными нарядами. Большею частью они были вечерними, парадно-выходными, сшитыми из дорогих тканей, явно на заказ. Аля погладила тонкий шелк темно-синего невесомого платья, вопросительно посмотрела на экономку. Интересно, кому раньше принадлежало все это великолепие.

Елена Александровна поняла ее взгляд правильно, потому что предвосхитила вопрос:

— Это вещи вашей матери, — сказала с полуулыбкой.

Матери... Сердце забилось так часто, что, казалось, вот-вот выпрыгнет из груди. Всю сознательную жизнь Аля заставляла себя мириться с мыслью, что мамы у нее нет. Мама не бросила ее, не умерла, ее просто нет. Так было проще. Так не нужно было замирать при виде каждой приходящей в детдом незнакомой женщины, не нужно заглядывать в глаза этим незнакомкам в надежде, что одна из них окажется не просто незнакомкой, а мамой.

Аля была подкидышем. В том смысле, что очутилась на попечении государства, минуя стандартные процедуры. Как любила рассказывать любимая Алина нянечка Афанасьевна, ее, полугодовалую, нашли под дверью детского дома в самый канун Нового года. Афанасьевна, кстати, и нашла: вышла на улицу подышать свежим воздухом, а там на крылечке — орущий кулек.

Афанасьевна рассказывала, что зима в том году выдалась теплой, совсем без снега, но подкидыш был укутан основательно — в импортный меховой конверт, такой красивый, каких она отродясь не видела. Подкидыша занесли внутрь, распеленали, выяснили, что, несмотря на пронзительные вопли, ребенок жив-здоров, упитан-ухожен, а орет оттого, что проголодался. В ворохе пеленок обнаружилась записка, в которой торопливым почерком было написано одно-единственное слово — «Алевтина». По всему выходило, что Алевтина — это имя, которое нерадивая мамаша дала ребенку при рождении. Имя менять не стали, просто добавили к нему фамилию. Фамилию придумывали всем детдомовским коллективом. Хотелось, чтобы она была красивой и хорошо сочеталась с редким именем

Алевтина. Остановились на Полетаевой. Получилось и в самом деле красиво, Але ее фамилия всегда нравилась. Наверное, поэтому долгое время у нее не возникало никакого желания узнать свою настоящую фамилию. Да и какой толк от этих желаний, если с самого начала ясно, что отыскать родителей не представляется никакой возможности? Единственной зацепкой, которая могла хоть как-то помочь в розысках, был импортный меховой конверт, в котором нашли Алевтину, но конверт самым загадочным образом исчез. Впрочем, та же Афанасьевна считала, что ничего загадочного в исчезновении конверта не было, просто у поварихи Кузьминичны как раз накануне родился внучок, и конверт пришелся тому как нельзя кстати. Но, как говорится, не пойман — не вор. Да и кому было дело до настоящих родителей новой воспитанницы детдома Алевтины Полетаевой? Хорошие родители свою кровиночку одну на морозе не бросят, а плохие ребенку не нужны, государство о нем позаботится ничуть не хуже.

Государство и заботилось. Аля не могла сказать, что в детдоме ей было так уж плохо. Может, оттого, что с младенчества она другой жизни просто не знала, а может, в силу ее легкого характера, позволявшего находить хорошие моменты даже в самом плохом. Единственным событием, которое Аля старательно игнорировала, был факт ее рождения. В отличие от большинства детдомовских ребят, желавших во что бы то ни стало повстречаться со своими родителями, у Али такого желания не возникало. Она, как и Афанасьевна, считала, что раз мама от нее отказалась, значит, не нужна ей такая мама. Ей вообще никакая мама не нужна! Ей и так хорошо — одной...

Зерно сомнений в Алиной душе зародилось лишь однажды. Кстати, не так давно. И посеял это зерно совершенно незнакомый ей человек — Джоан Роулинг. Судьба выдуманного Гарри Поттера вдруг показалась Але очень похожей на ее собственную судьбу. Не в том смысле, что, как сказочный мальчик, она обладала какими-то сверхспособностями, а в том смысле, что в силу непреодолимых обстоятельств даже заботливые родители иногда вынуждены бросать своих детей на произвол судьбы. Целую неделю Аля ходила под впечатлением от фильма и даже хотела было начать поиски матери, но потом как-то все утряслось и пришло осознание, что сказки про добрых волшебников — это одно, а реальная жизнь — это совершенно другое. И нет никакого смысла ворошить прошлое, потому что, если бы родители захотели ее отыскать и забрать к себе, то давно бы уже отыскали. Да и ни к чему ей, взрослой, самостоятельной девице, какая-то там непонятная семья. У нее есть своя собственная семья, ничуть не хуже. Точнее, была... до недавнего времени, пока Алина жизнь не полетела в тар-тарары...

А теперь вот оказывается, что у нее есть не только дед, но еще и мама. Или была?..

— Она здесь? — Аля повертела головой, точно мама могла прятаться где-то тут, в залитой полуденным солнцем и пахнущей сиренью комнате.

— Нет. — В голосе Елены Александровны слышалось сочувствие. — Я плохо знаю эту историю, хозяин не любит распространяться о тех временах. Но, как я понимаю, ваша мама уехала из Полозовых ворот вскоре после вашего рождения. Игнат Петрович пытался вас отыскать, но тщетно. Ему понадобилось больше двадцати лет, чтобы де-

ло сдвинулось с мертвой точки. Он нашел вас, но так и не смог найти ее.

— А почему она уехала? — спросила Аля.

— Не знаю. Кажется, они с вашим дедом поссорились.

— А мой отец?

Экономка пожала плечами.

— О нем вообще ничего не известно. Ваша мама приехала в поместье, уже будучи беременной, но об отце своего ребенка она говорить отказывалась.

— Я бы хотела посмотреть на нее. — Ладони снова сделались влажными, а сердце так и не успокоилось, трепыхалось в груди, точно пойманная в силки птица. — Можно?

— К сожалению, это невозможно, — Елена Александровна покачала головой. — По всей видимости, ссора была очень серьезной, потому что ваш дед уничтожил все фотографии вашей матери. Во всяком случае, мне на глаза они ни разу не попадались. А я живу в Полозовых воротах вот уже двадцать два года. Возможно, есть смысл спросить об этом у самого Игната Петровича. Только не сегодня. Обживитесь, освоитесь, научитесь угадывать настроение своего деда, а потом попробуйте поговорить с ним.

— Хорошо, я попробую. — Аля отошла от шкафа. Если у нее и было желание примерить какой-либо из хранящихся в нем нарядов, то после разговора с экономкой оно исчезло.

— Вам придется надеть что-либо из этих вещей, — похоже, Елена Александровна умела читать мысли. — Рекомендации хозяина очень конкретные — вы должны прийти на ужин в вечернем платье. Я вижу, у вас с вашей матерью одинаковые раз-

меры, так что проблем в этом смысле возникнуть не должно.

Аля закусила губу. Если считать размер одежды проблемой, то да — проблем не возникнет, но что делать со всем остальным? Как она будет чувствовать себя в одежде чужой женщины? Ну, пусть женщина не совсем чужая, пусть она ее мама, но так даже еще хуже. Это все равно, что влезть в чужую шкуру. Может, проигнорировать рекомендации деда и спуститься к ужину в обычном костюме? Ну не убьет же он ее за это, честное слово!

— Алевтина, — экономка многозначительно приподняла брови, — Игнат Петрович очень расстроится, если вы в первый же день решите проигнорировать его маленькую просьбу. Поверьте, нет ничего плохого в том, что вы наденете одно из этих великолепных платьев, — она кивком указала на шкаф, — а ваш дед получит еще одну маленькую возможность порадоваться жизни. У него совсем немного таких возможностей, в последнее время их все меньше и меньше. Теперь, когда болезнь его прогрессирует с каждым днем, даже прогулки к озеру сделались для него проблемой. А вам ведь ничего не стоит сделать маленькое одолжение единственному родному человеку.

Единственному родному человеку — тут Елена Александровна совершенно права, с этим не поспоришь. И было бы верхом неблагодарности в ответ на незначительную в общем-то просьбу отреагировать так, как ей больше всего хочется. Ничего страшного не случится, если она всего на пару часов влезет в чужую шкуру.

— Я вижу, вы приняли правильное решение, — экономка одобрительно кивнула. — В таком случае мне осталось лишь провести для вас небольшую

экскурсию по дому, чтобы вечером вы могли ориентироваться в нем более или менее свободно. Или, может, сначала вы хотите немного перекусить с дороги? Простите, я должна была предложить вам это сразу.

Есть совсем не хотелось. Да и не привыкла Аля к обильным трапезам. В прошлой жизни, когда спортивные достижения и олимпийское «золото» имели для нее первостепенное значение, большинство из привычных для обывателей блюд было для Али недостижимой мечтой. Ограничивать себя приходилось буквально во всем, так что гастрономическое воздержание давно и прочно вошло у нее в привычку. Даже когда со спортивной карьерой было покончено раз и навсегда. А вот осмотреть дом, пожалуй, интересно.

Обход дома начали с того крыла, в котором располагалась Алина спальня. Ничего примечательного в этом крыле не было: еще три пустующие комнаты для гостей и длинный коридор, одним своим концом выходящий в просторный холл, а вторым на открытую террасу. Противоположное крыло занимали апартаменты деда, комната Елены Александровны и библиотека.

На первом этаже в центральной части дома располагалась огромная кухня с примыкающей к ней столовой, каминная и бальный зал. Последний произвел на Алю особенно сильное впечатление. Огромный, с французскими окнами, со стенами, по всему периметру отделанными потускневшими от времени зеркалами, с узорным паркетным полом, массивной хрустальной люстрой и сиротливо стоящим у одной из стен белым роялем. Не нужно обладать большой фантазией, чтобы представить, как в прежние, более счастливые времена в этом за-

ле соби́рался на балы цвет местной аристократии. Как на начищенном до зеркального блеска паркете кружились в вальсе и отражались в сияющих зеркалах влюбленные пары. Как пожилые дуэньи внимательно следили за своими подопечными — еще совсем молоденькими и оттого неискушенными в светской жизни барышнями. Как опытные обольстительницы кокетливо обмахивались веерами и роняли надушенные платочки к ногам галантных кавалеров. А кавалеры прятали эти амурные трофеи в нагрудные карманы английских жилетов, поближе к сердцу, и рассыпались в комплиментах. Как здесь же, за накрытым зеленым сукном столом, играли в вист и за рюмкой вишневой наливочки обсуждали последние политические новости почтенные отцы семейства.

Аля представила и как-то сразу прониклась тихой щемящей грустью. Точно это она была одной из тех молоденьких барышень, впервые в жизни выехавших на свой самый настоящий, самый замечательный бал, жадно ловящей восхищенные взгляды лихих красавцев-поручиков. Интересно, рояль остался с тех счастливых времен или он потомок того, самого первого, самого главного рояля? Спрашивать у Елены Александровны Аля не стала. Вряд ли экономка знает такие подробности. Да и зачем? Все равно те волшебные дни остались в далеком прошлом, рояль медленно умирает вместе с домом.

Всю остальную часть первого этажа занимал зимний сад. Наверное, некогда роскошный и уникальный, сейчас он переживал не самые лучшие времена — зарос сорняками, одичал и больше походил на непролазные джунгли.

— Последний раз садовник появлялся здесь пять лет назад, — Елена Александровна тяжело

вздохнула, нежно провела ладонью по резным листочкам какого-то неведомого Але растения. — Человек, который ухаживал за садом все эти годы, умер, а другого специалиста мне отыскать не удалось. Мы с Марьей Карповной пытаемся поддерживать сад в более или менее приличном состоянии, но сами видите, получается у нас не слишком хорошо. Система полива давно барахлит, и нужных удобрений в райцентре днем с огнем не сыскать. А ведь сад этот некогда славился на всю Россию, из самого Санкт-Петербурга приезжали в Полозовы ворота за саженцами.

Похоже, зимний сад вызывал в душе Елены Александровны те же чувства, что в Алиной душе бальный зал. Каждому свое, как любила говаривать нянечка Афанасьевна.

В общем, весь первый этаж производил достаточно тягостное впечатление. Зато второй, к превеликому Алиному удивлению, выглядел куда более оптимистично. Чувствовалось, что последний раз ремонт здесь делали не в позапрошлом веке, а максимум пару лет назад. На втором этаже не было той удушающей атмосферы неизбежного умирания, которая буквально преследовала Алю внизу. Здесь все было в достаточной степени комфортно и современно. Даже пахло совсем иначе — лаком, краской и хорошим табаком.

— Это гостевая территория, — пояснила экономка и брезгливо поморщилась. — Видите разницу, Алевтина?

Аля видела разницу, но никак не могла понять причину, по которой экономка так недовольна. Выходит, дом не умирает. Наоборот, он пытается восстать из пепла. Если судить по второму этажу, попытка эта вполне удачна. Еще немного, и Поло-

зовы ворота можно будет назвать настоящей европейской усадьбой. Нужно только отреставрировать первый этаж.

— Он не хочет. — Аля еще не успела озвучить свои мысли, как уже получила на них ответ. Экономка обладала поистине поразительным даром читать чужие мысли. — Он считает, что первый этаж должен остаться в полной неприкосновенности. Он называет это безобразие аутентичностью, считает, что в засыхающем зимнем саду и в этом ужасном фонтане живет душа дома и душу тревожить никак нельзя. — Елена Александровна вздохнула и продолжила: — А вот я, к примеру, не понимаю, почему душа дома живет только на первом этаже, а со вторым можно делать все что угодно.

— Здесь хорошо, — Аля обвела взглядом просторную гостиную, обставленную вовсе не антикварной, а вполне современной и комфортной мебелью, — и пахнет по-другому.

— Да, здесь хорошо. Пойдемте, я покажу вам остальную часть дома. Осталось немного: каминная, бильярдная и апартаменты для гостей. Впрочем, в апартаменты я вас не поведу. У меня, конечно, есть ключи от них, но это, наверное, было бы не слишком этично. Давайте ограничимся каминным залом и бильярдной..

В собственную комнату Аля попала уже ближе к вечеру, потому что помимо дома Елена Александровна пожелала показать ей еще и надворные постройки. Их оказалось немного: небольшой сарайчик с домашней утварью, конюшня для Звездочки и гараж. В гараже стояла роскошная «Ауди», наверное, тот самый так некстати сломавшийся автомобиль. Впрочем, Алю этот факт не слишком опеча-

лил — Звездочка нравилась ей гораздо больше, чем «Ауди».

Покончив с осмотром достопримечательностей, Аля направилась было к озеру, увидеть которое ей хотелось едва ли не больше, чем сам дом, но Елена Александровна вдруг проявила странную настойчивость: всполошилась, что Аля все-таки может оказаться голодна, и, не желая слушать заверений в обратном, увлекла девушку назад к дому.

— Алевтина, не хотите кушать, тогда выпейте мой фирменный кофе, — она крепко держала Алю за локоть и не позволяла даже посмотреть в сторону Мертвого озера. — Я готовлю замечательный кофе. Даже Игнат Петрович это признает, а Игнату Петровичу, знаете ли, угодить очень и очень сложно.

Перед такой настойчивостью было трудно устоять, и Аля, которая никогда не любила кофе, оказалась вынуждена сдаться. В конце концов, на озеро она может сходить и вечером, а сейчас не стоит обижать отказом гостеприимную хозяйку.

Кофе пили на кухне, как выразилась Елена Александровна, в неформальной обстановке. Изысканные вкусовые оттенки предложенного напитка Аля по достоинству оценить не смогла по причине своей неискушенности, но на всякий случай эти самые вкусовые оттенки похвалила аж три раза. К кофе прилагались эклеры. И вот для того, чтобы похвалить этот шедевр кондитерского искусства, кривить душой не пришлось. Аля, обычно равнодушная к сладостям, была вынуждена признать, что ничего вкуснее в своей жизни не пробовала.

— Это все Марья Карповна, — объяснила экономка. — Вот, казалось бы, забитая деревенская женщина, ни разу в жизни не выезжавшая дальше

райцентра, а стряпает такие деликатесы — пальчики оближешь. Кстати, сегодня вы в этом сами сможете убедиться, Марья Карповна взяла на себя все хлопоты по приготовлению званого ужина. Федор как раз за ней поехал, — Елена Александровна бросила быстрый взгляд на изящные наручные часики и, нахмурившись, проворчала: — Паршивец, опять пропустил мимо ушей то, что я ему говорила. Выехал позже, чем было велено. Не хватало еще, чтобы из-за этого слабоумного случились накладки.

Последняя тирада экономку совсем не красила. Как-то не вязались гадкие слова о Федоровом слабоумии с образом рафинированной мадам. Но мало ли какие в Полозовых воротах имеются подводные течения. Аля здесь человек посторонний и многого еще не знает. Но товарищ Федор все равно хороший, даже несмотря на свой душевный недуг. Как там выразился дед? Он особенный? Да, вот именно, не слабоумный, а особенный! И в силу этой своей особенности для многих непонятый.

Поддерживать разговор как-то сразу расхотелось, даже из вежливости, и, сославшись на усталость, Аля ушла к себе.

* * *

Оставшись одна, она наконец смогла все как следует рассмотреть. Неплотно закрытые дверки шкафа тянули к себе, точно магнитом, но Аля решила начать осмотр с комнаты.

Комната, хоть и находилась на первом этаже, которого не коснулись перемены в доме, но выглядела довольно мило. Вполне вероятно, что перед Алиным приездом здесь был все-таки проведен косметический ремонт. Во всяком случае, обои ка-

зались довольно новыми, радовали глаз приятным персиковым оттенком, а мебель — кровать на высоких изогнутых ножках, кресло, комод, шкаф и туалетный столик — производила очень благоприятное впечатление. В том смысле, что были легкими, изящными и еще отнюдь не дряхлыми. Наверное, когда-то эта комната принадлежала Алиной маме, женщине, которая как-то вдруг перестала быть бесплотным фантомом и благодаря рассказу экономки уже почти обрела плоть и кровь. Осталась самая малость — найти ее фотографию, хотя бы одну. Просто чтобы знать, как она выглядела.

Аля присела на край кровати, погладила шелковое, расшитое золотыми змейками — опять змейками! — покрывало, посмотрела на колышущиеся от ветра шторы. Шторы были под стать покрывалу, с такими же золотыми змейками. А ведь она еще не знает, какой вид открывается из окна.

Под плотным шелком штор оказалась тонкая, почти невесомая кисея тюля. Аля отодвинула занавесь в сторону и обнаружила, что окно в ее комнате точно такое же, как в бальном зале, — французское. Огромное, от потолка до пола, двустворчатое, распахивающееся, точно двери. А там, за окном, озеро: огромное, неподвижное, в свете уже неяркого закатного солнца кажущееся глянцевочерным, обрамленное старыми вербами.

Искушение было слишком велико, чтобы Аля могла ему противиться. Рама поддалась не сразу, но все-таки поддалась — с тихим скрипом окно распахнулось, впуская в комнату свежий, насыщенный влагой воздух. Прямо от окна к озеру вела едва заметная в траве тропинка. Похоже, соблазн выбраться из душных комнат на волю возникал не

у одной Али. Кто-то не так давно уже прохаживался по этой тропинке.

Трава была высокой, приятно щекотала голые щиколотки, цеплялась за сандалии. Аля сорвала былинку, сунула ее в рот и решительно пошла к озеру. Все-таки был в этом дивном месте какой-то оптический феномен, потому что при взгляде на озеро из окна комнаты казалось, что оно совсем близко — только руку протяни, и коснешься неподвижной воды, а на самом деле идти пришлось довольно долго. Наконец тропинка уперлась в деревянный лодочный причал. Доски, из которых он был сложен, еще не успели почернеть от времени и сырости, были веселого золотисто-желтого цвета, вкусно пахли смолой. Аля сбросила сандалии, ступила на нагретый жарким солнцем настил.

Причал уходил далеко в озеро, она насчитала сто двадцать шагов, прежде чем оказалась на противоположном его конце. Здесь узкий дощатый «язык» превращался в широкую площадку метров в шесть шириной. На площадке с комфортом могли разместиться несколько человек, и еще осталось бы место. Скорее всего, назначение у нее было весьма конкретное: на воде, привязанные к стальному крюку, мерно покачивались две лодки, одна старая весельная, вторая новая моторная, но при желании здесь запросто можно было загорать или использовать площадку как трамплин для прыжков в озеро.

Аля присела на край настила, свесила босые ноги в воду. Вода была теплой. Не парное молоко, но купаться можно запросто. Это потому, что лето выдалось на удивление жарким. Июнь еще только начался, а столбик термометра уже подбирался к отметке в тридцать градусов. А вода и в самом деле странная: если зачерпнуть ее в горсть, то прозрач-

ная-прозрачная, а в озере кажется черной. Может, из-за глубины, а может, еще по какой причине. Только, похоже, товарищ Федор прав — озеро и в самом деле мертвое. Поверхность его ровная, точно зеркальная гладь, — нет на ней никакого движения, мошкара не шевуршится, рыба не плещется. И рыбаков, обязательных для богатого всякой живностью водоема, не наблюдается. Кругом тишина и покой. Кстати, тишина эта вполне мирная, а вовсе не зловещая. Надо будет как-нибудь прийти сюда ранним утром, когда над водой еще туман, искупаться.

Наручные часы показывали уже половину седьмого вечера, а званый ужин назначен на девять. Значит, времени остается совсем мало. Нужно еще принять душ, привести себя в порядок с дороги и выбрать платье.

Локальный ремонт в ее комнате, похоже, не коснулся сантехники. Во всяком случае, ванна была явно старинная: чугунная, массивная, на позолоченных львиных лапах. Вода лилась в нее с громким шумом, барабанила по дну и стенкам, взбивалась в белую пену. Принимая душ, Аля подумала: какое же все-таки это счастье, когда в доме есть такие вот радости цивилизации, как водопровод и горячая вода. В старину, с ее балами и светскими раутами, о подобной роскоши даже не мечтали. И ванна на львиных лапах, скорее всего, использовалась как этакая дизайнерская бадья для омовений, а воду грели где-нибудь на кухне, в здоровенных железных чанах. Все-таки что ни говори, а в нынешнем суетливом веке, помимо минусов, есть и свои плюсы.

Аля выбралась из ванны, закуталась в белоснежную простыню, вернулась обратно в комнату.

Под мощной струей горячего воздуха из фена волосы высохли в два счета. Мудрить с прической она не стала, ловкими, за годы отработанными до автоматизма движениями уложила волосы на затылке в элегантную «ракушку». Подвела глаза, тронула губы перламутровым блеском. Получилось неброско, но довольно мило. Тем более что в Алины планы вовсе не входило очаровывать здешний бомонд. Просьбу деда она, конечно, исполнит, выйдет в вечернем платье, но большего он от нее не дождется. Ей и так придется переступить через себя, чтобы надеть вещь, которую когда-то носила ее мать.

К шкафу с нарядами Аля подошла едва ли не в самый последний момент, когда до начала торжества оставалось каких-то двадцать минут, распахнула дверцы, постояла с минуту в раздумьях. Платьев было слишком много, от разнообразия тканей, фасонов и расцветок рябило в глазах. Она вытянула из общей кучи одно, наугад. В конце концов, какая разница, в чем именно она спустится к гостям, главное, чтобы платье было вечерним. Случайно выбранная вещь, безусловно, предназначалась для светских раутов, но уж больно она была откровенной. Нет, такая красота не для нее. Пожалуй, вот это черное атласное подойдет лучше.

Платье и в самом деле подошло, село как влитое, но не успела Аля порадоваться своему выбору, как возникла новая, совершенно неожиданная проблема. Имеющиеся в наличии туфли были велики ей как минимум на два размера. Все, кроме одной-единственной пары. Туфли выглядели совсем новыми, ни разу не надеванными, подходили Але идеально, но дизайн их был категоричен до крайности. Чешуйчатая кожа, похожая на змеи-